

секуляризованных форм философии, а также способствовало выработке новых форм религиозной философии.

С.А. Селюгин

ЭКОНОМНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ

В 2008 году Нобелевская премия по экономике была присуждена профессору Принстонского университета, американскому экономисту и публицисту Полу Кругману за вклад в анализ структуры международной торговли и размещения хозяйственной деятельности. Признаком разработанности его теории являются труды специалистов, прибегающих к ее использованию во всем мире.

В этой статье речь пойдет, безусловно, не об экономике, хотя не учитывать ее влияние на культуру общества потребления, было бы досадным упущением. Основной целью работы является попытка выявить ключевые механизмы глобального обмена культур, обусловленных международной экономикой, и рассмотреть последствия такого обмена на уровне носителя культуры. Поскольку экономическое поведение участников глобализации затрагивает взаимодействия и в сфере культуры, я вернусь к перечислению основных достижений упомянутого лауреата.

Значимым вкладом П. Кругмана считается его описание взрыва урбанизации и оттока населения из сельских районов, то есть его концентрации / деконцентрации, которые ученый связал с уменьшением транспортных затрат в течение XX столетия. П. Кругман предложил новую теорию международной торговли, доработав концепцию сравнительных преимуществ Д. Рикардо, предложенную последним в начале XIX века, и теорию шведских экономистов Хекшера и Олина, начала XX-го, согласно которым, структура международной торговли описывалась исходя, в основном, из технологий производства в разных странах и различий в комбинациях труда. Согласно этим моделям, получалось, что некоторые страны должны специализироваться на экспорте, к примеру, продуктов производства и на импорте сельскохозяйственных продуктов или наоборот [1].

Представленная около 30 лет назад, теория Кругмана основывается на предположении, что потребители предпочитают разнообразие в продукции. Его модель применима не только к торговле между странами, отличающимися, с точки зрения традиционной теории, в технологиях производства, но и между странами, где эти технологии и продукция, ими выпускаемая, идентичны. Таким образом, модель в большей степени соответствует экономическим процессам современности. Согласно модели, глобализация оказывается выигрышна в экономическом смысле, так как международная торговля приводит к снижению цен и разнообразию товаров по сравнению с ситуацией, когда каждая страна производит продукцию для внутреннего рынка, ис-

вещи» международную торговлю. Даже при снижении разнообразия в мировом масштабе глобализация приводит к увеличению разнообразия товаров для индивида.

Другой американский экономист – Тайлер Коуэн, специалист в области экономики культуры, автор книги «Творческое уничтожение: как глобализация изменяет мировые культуры», так описывает этот процесс в контексте культуры: когда люди в Пекине могут питаться в Макдоналдсе, а жители США могут есть в Китайских ресторанах, мир выглядит все более и более одинаковым, даже если опыт отдельного индивида все увеличивается в разнообразии [2]. По его мнению, культуры, отказывающиеся от мировых святош, неизбежно устаревают и могут вообще исчезнуть.

Таким образом, опыт индивида, увеличивающийся в его разнообразии, как следствие стремления к экономическому выигрышу от глобализации, в культурном аспекте – как память культуры, может иметь выигрыш не такой очевидный, как у П. Кругмана.

Перейти к рассмотрению тенденций глобализации в культуре общества потребления можно оттолкнувшись от рассмотрения дефицита культурного баланса, возникающего в случае непропорционально большего импорта товаров культуры по сравнению с их импортом в масштабах отдельно взятой страны. По данным Юнеско за 2002 год, чья оценка включала культурный экспорт и импорт в виде печатной продукции, музыкальных произведений и инструментов, произведений живописи, кинематографа и фотоискусства, антиквариата и пр., такими странами является Россия и США. Такой дисбаланс обычно трактуется или как отсталость национальной культуры, или как желание приобщиться к достижениям зарубежного культурного пространства, либо как действие этих причин вместе взятых.

Интересно также, что по тем же данным Юнеско США является крупнейшим мировым культурным импортером. При этом, если импорт «китайской культуры» в Соединенные Штаты составляет большую долю среди всех остальных стран, то экспорт в обратном направлении непропорционально меньший, с разницей почти в 30 раз [3]. Нельзя сказать, что при таких объемах культурного импорта США выбивается из традиционных механизмов своей культуры, описываемых обычно концепциями «плавильного тигля» или «салата». Можно не упоминать, какие трудности возникают при такой модели культурного потребления у исследователей идентичности носителей американской культуры при ее описании. Хотя, лидирующая позиция экономики этой страны, безусловно, ориентирует всех разделяющих схожие ценности на аналогичные механизмы потребления.

Можно говорить, что в историческом контексте Америка выглядит более адаптированной для заимствования культурных паттернов, ущербность же глобализации для менее адаптированных культур представляется более очевидной. Разнообразие, доступное глобализации, с одной стороны, сталкиваясь с экономической рациональностью, с другой, приводит к ориентации, в

основном, на экзотические культурные образцы. Очевидно, что меньший интерес для заимствования будут представлять те образцы, которые уже есть в национальной культуре, при этом последние встроены в традицию и, следовательно, уже адаптированы. Вследствие этого потребление будет нацелено на представляющие большее разнообразие, экзотичные относительно национальной культуры, паттерны.

Экзотическое при этом поставляется «как есть», без адаптации к национальной культуре, так как глобализация, как рынок культуры, во-первых, в меньшей степени заинтересована в экономических издержках, необходимых для механизмов культурной адаптации, и, во-вторых, последняя может быть и нереализуема вовсе. К этому приводят как отличия в многообразии культурных традиций, так и специфика самой адаптации культурных объектов; последняя, подразумевая в меньшей степени утилитарное использование, свойственное товару, реализуема намного сложнее, чем выработка потребности к тому или иному рыночному продукту. В результате тот или иной культурный объект или целая практика возникает как фрагментарное образование, выключенное из своего контекста и не адаптированное в новом.

Как крайность такого обмена, где экономика способствует превращению культуры в товар, может выступать следующая модель: поиск наиболее характерного отличия в культуре среди других, воплощение его в материальном знаке с минимальными издержками и потребление такого сувенира, сделанного вероятнее всего в Китае, на рынке. Маловероятно, что при этом происходит заимствование культурных традиций или приобщение к ним.

Очевидно, что такой обмен не является полноценным в культурном смысле. На уровне означающих знаки проникают в пространство культуры; это, безусловно, приводит к их большому разнообразию в материальной форме. Однако их означаемые в сфере сознания либо не традируются вообще, либо их прежние означаемые трансформируются, оказавшись в новой системе культурных традиций. Или ничего не значащий знак попросту не обогащает систему, или утрачивается его традиционное означаемое.

В контексте коммуникаций такой подход менее всего способствует взаимопониманию культур. Вероятность того, что прочитанный на арабском языке текст, приобретет у незнакомого с этим языком американца какой-то смысл, очень мала. Если же это состоится, то новый смысл может стать нормой, войдя в систему лексикодов для носителя этого языка [4]. Культурная память как хранимый опыт или набор лексикодов при определенных условиях может перестать считывать характерные для данной культуры коды. Такое отчуждение от своей культуры зависит как от устойчивости набора лексикода носителя, так и от интенсивности в его вмешательство.

Наивно полагать, что процесс взаимопроникновения культур, может или должен происходить теми же темпами, что и производство товаров, или налаживание торговых отношений, или удешевление транспортных затрат и всеобщее повышение мобильности. С такой интенсивностью культурный обмен превращается в захват памяти и ее отчуждение, а на-

растающие его темпы могут приводить к еще большему отчуждению. Носитель определенной культуры превращается в эмигранта поневоле, но помещенного не в другую культуру, а выключенного из нее кочевника,номада. Агрессивное появление культурных артефактов, обусловленное стремлением первому утвердить свою инаковость, захватив данную нишу в другой культуре, в такой же агрессивной манере, просецируясь в память, идет к захвату ее собой.

В заключение подчеркну, что данная статья не является ни призывом к протекционизму, изоляционизму, ни пропагандой национализма или антиглобализма. Процесс экономического обмена культур, ориентация на экзотику как отличие культурных образцов и темпов их потребления без адекватных механизмов адаптации приводят к фрагментации, забвению культурных традиций и отчуждению памяти. Различные механизмы консервации культуры, судорожно абсорбирующие ее артефакты, не способствуют их традированию; остроу приобретает вопрос о сохранности культуры и культур. Последнее возможно лишь при условии, что мы научимся слышать их, считать и понимать.

Литература

1. The Prize in Economic Sciences 2008. The Royal Swedish Academy of Sciences // http://nobelprize.org/nobel_prizes/economics/laureates/2008/info.pdf
2. Tyler Cowen. Creative Destruction: How Globalization is Changing the World's Cultures, 2002.
3. International Flows of Selected Cultural Goods and Services, 1994-2003 // http://www.uis.unesco.org/template/pdf/cscl/IntlFlows_EN.pdf
4. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. 1998.

И.А. Ходырев

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ФОРМА ТРАНСПАМЯТИ

Перед началом анализа культурного наследия необходимо сделать несколько замечаний по поводу фундамента этой работы. Главное положение, которого она придерживается, берет свое начало в постструктуралистской лингвистической и социально-аналитической традициях и звучит следующим образом: «Культурное пространство состоит из набора дискурсивных практик». Действительно, любая культура – не есть нечто однородное. Мыслители от Платона до Ницше пытались разделить культурные институты на соответствующие определенному критерию части, имеющие внутри себя некоторые законы функционирования, термины и объекты, короче говоря, свои знаки. Обычно такое разделение было временным, необходимым для последующего синтеза высшего принципа, которому указанное разделение